Утесов Л.О

П-88

АРГУМЕНТЫ и ФАКТЫ № 9 1988

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Сегодня такие исполнители, как Л. О. Утесов или К. И. Шульженко, считаются признанными мастерами советской эстрады. Их ставят в пример новым исполнителям новой музыки, но ведь творческий путь этих артистов, как и всей советской эстрадной музыки, был весьма непростым. Хотелось бы, чтобы вы написали об этом.
О. Крылов, Пермь

С просьбой рассказать о малоизвестных страницах отечественной эстрады наш корреспондент Н. Солдатенков обратился к автору книги «Звезды советской эстрады» Г. СКОРОХОДОВУ.

Путь к признанию был нелегок

КОРР. Глеб Анатольевич, что собой представляла советская эстрада 20-х годов?

СКОРОХОДОВ. То было время расцвета жанра: появлялись молодые талантливые исполнители, рождались новые идеи, образы, порой самые неожиданные. Например, Л. О. Утесов, известный всем как один из создателей советского джаза, в 1923 г. устроил так называемый «синтетический вечер» — «От трагедии до трапеции», где он не только пел, играл на скрипке, но и танцевал, читал стихи Багрицкого, рассказы Бабеля и Зощенко, играл сцену из «Преступления и наказания» Достоевского. И к джазу он пришел именно потому, что увидел в нем средство создания такого синтетического актера, о котором мечтал и который в программе мог делать все: и играть, и петь, и танцевать.

Уже в той, первой программе Утесов нашел свой оригинальный путь, он не стал организовывать обычный музыкальный коллектив, а попытался еще и создать зрелище.

КОРР. А как развивались события дальше?

СКОРОХОДОВ. К сожалению, все это совпало с тем периодом, когда джаз объявили чисто буржуазным порождением. У нас вполне серьезно утверждалось, что джаз пришел из ночных притонов Америки, его национальная негритянская основа отрицалась начисто. Возникла организация РАПМ (Российская ассоциация пролетарских музыкантов), которая объявила войну легкой музыке. Под это определение попадали не только джаз, но и романс, лирическая песня, фокстрот, танго и т. д. Словом, практически вся эстрадная музыка. Более того, рапмовцам «не нравились» многие классики: они считали, что Чайковский «ведет рабочий класс не туда», Шопен, Моцарт, даже Глинка вызывали сомнения. Куда уж там эстрада! В журнале «Пролетарский музыкант» в 1930 г. была опубликована передовая статья «На борьбу с музыкальным дурманом!», где говорилось следующее: «Вместо здорового, бодрого чувства, чувства сплоченности в единый дружно работающий и общей радостью радующийся коллектив, музыка легкого жанра несет нездоровую, алкоголем подогретую чувственность. Справедливо отнестись к этой лже-музыке так же, как мы относимся ко всем видам вредительства».

КОРР. РАПМ, конечно, выступал от имени народа?

СКОРОХОДОВ. Да. Они провозглашали новую психологию «рабочего коллективизма». По их мнению, искусство пролетариата основано на «потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного и лирического», рапмовцы объявили лирику «душещипательным атрибутом нэпманской культуры», чуждой пролетарской молодежи. Они говорили о коллективном сознании, уродуя это сознание, считали, что нужно заниматься не отдельной личностью, а массой — не «я», а «мы».

Выступление Л. О. Утесова в эстрадном театре «Эрмитаж». 1948 г.

Но вспомним: большинство лучших советских песен написаны в танцевальных ритмах фокстрота, марш-фокстрота, танго; все лучшие песни Дунаевского сопровождались джазовой оркестровкой. И это было популярно, это пользовалось спросом, это было нужно в то время. Кстати, джаз ведь очень оптимистическая музыка, гораздо в большей степени соответствующая духу времени, чем маршеподобные песни со схоластическими текстами, которые писали рапмовцы. Там не было ничего человеческого, все выглядело примерно так: «Бей, барабан! Бей, барабан! Бей, барабан, борьбу! Труд, трубы! Труд, трубы! Труд, трубы в трубу!» Сегодня это выглядит неудачной пародией, но тогда преподносилось как именно то, что нужно народу.

КОРР. К чему это привело?

СКОРОХОДОВ. К очень печальным результатам, потому что были фактически запрещены все пластинки в танцевальных ритмах, выпущенные ранее. Утесову даже не разрешали записываться, часть уже сделанных записей была уничтожена. Более того, в начале 30-х годов практически все певцы и певицы, певшие лирику, были объявлены по сути «вне закона». Клавдия Шульженко в один прекрасный день осталась без репертуара — Главреперткома (Главный репертуарный комитет), которому было подчинено практически все в музыкальном искусстве, снял все песни.

Клавдии Ивановне пришлось отказаться от запланированных выступлений в Москве и готовить новый репертуар, более или менее соответствовавший «духу времени», но ей совершенно не свойственный. То же самое произошло и с другими популярными исполнителями. Тамаре Церетели, например, в одном из романсов строку «Только раз бывают в жизни встречи» заменили на «Нет, не раз бывают в жизни встречи», что искажало весь смысл текста, но, как считали в Главреперткоме, было более оптимистично.

КОРР. И как долго это продолжалось?

СКОРОХОДОВ. Конец этому периоду положило постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о ликвидации РАПМа и других подобных организаций как вредных, сектантских, навязывающих художникам и музыкантам свои требования и вкусы и т. д. Однако не надо думать, что после этого джаз и легкая музыка сразу же были признаны, исчезла вкусовщина. Худсоветы по-прежнему находили во многих произведениях, снискавших у народа популярность, «отрицательные моменты».

Так, в самом начале войны вызвала протест песня «Два Максима» в исполнении Г. Виноградова, затем «Темная ночь» — в ней усмотрели «дух упадничества и пессимизма». А уж о «Землянке» и речи не шло: строки «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага» вызвали бурное негодование у некоторых деятелей, которые, кстати, сидя в тылу, брались решать, что нужно и что не нужно солдатам в окопах.

КОРР. Ведь был еще и второй натиск на легкую музыку...

СКОРОХОДОВ. Да, в послевоенные годы. Но начался натиск в 1943 г., когда на Общемосковском совещании Союза композиторов о песнях Великой Отечественной войны было выдвинуто предложение «изгнать джаз из быта советского человека». Это подкрепилось уже после войны начатой борьбой с космополитизмом, с иностранщиной. И снова такие исполнители, как К. Шульженко, Л. Утесов, М. Бернес, Г. Виноградов, И. Юрьева, Т. Церетели, Р. Сикора, многие композиторы и музыканты были объявлены пропагандистами низменных вкусов. Танго и фокстрот в любых вариациях не включались в радиопередачи, не записывались на пластинках.

КОРР. А что было «наше»?

СКОРОХОДОВ. «Нашими» провозглашались танцы, бывшие популярными в XIX веке, кстати, не менее зарубежные, чем джаз: падеграс, падепатинер, пазефир — одни названия говорят о том, откуда они пришли.

Остальное было нельзя. Дунаевскому худсоветом было предложено переоркестровать песню из кинофильма «Весна», так как в ней слышался «джазовый» инструмент — аккордеон, изымались пластинки с записями оркестра А. Цфасмана и М. Блантера, легкую музыку поносили в статьях и фельетонах, обличали в кино, театрах.

КОРР. А как реагировали на это люди, та же молодежь?

СКОРОХОДОВ. Люди искали старые пластинки на рынках, копировали их кустарным способом на «ребрах» — рентгеновских снимках.

КОРР. К чему же привели гонения на легкую музыку?

СКОРОХОДОВ. К тому, что наша эстрада стала хронически не дотягивать до мирового уровня. Чем объяснить такое положение дел? Думаю, прежде всего косностью. Ведь известно, что чиновнику спокойнее, когда все по-старому. Новое для него опасно. Вспомним, как в свое время Ленинградское отделение Союза композиторов забраковало песню «Широка страна моя родная», отметив в ней «заунывное, минорное, а не мажорное, звучание». В более позднее время художественный совет Всесоюзного радио не принял песню «Подмосковные вечера» — там вызвал возражения ритм. И уже в наши дни на телевидении была запрещена песня «День Победы», в ней усмотрели «несоответствие формы содержанию».

На концерте К. И. Шульженко в Колонном зале Дома союзов.

КОРР. Как же этого избежать?

СКОРОХОДОВ. Только путем демократизации и гласности. Надо прежде всего дать возможность самим людям судить о тех или иных произведениях.

Сейчас многим не нравится рок. Но ведь люди, которые в свое время увлекались твистом, не стали от этого хуже. Я не считал тогда и не считаю сейчас, что увлечение танцевальными ритмами начисто отрицает увлечение классикой.

А разговор о национальной музыке? У культуры, искусства не бывает только чисто национальных корней. Это всегда переплетение национального и интернационального, культур и искусства других стран и народов, вычленить которые бывает чрезвычайно сложно. Возьмем, к примеру, украинский танец гопак, ведь если разобраться, то основные его элементы вместе с шароварами, кривыми саблями и прочим, пришли на Украину из Турции. Возьмем русские частушки — заглянем в глубь веков, и увидим, что во многом они основаны на татарских напевках. Так что не все всегда однозначно. Вековое воздействие и взаимодействие народов на Россию было очень сильным, а сводить всю культуру к протяжной русской песне нельзя. Гораздо более важно понимать, как и с каким успехом сумела наша культура все это впитать в себя и переработать по-своему. Это в немалой степени касается и музыки сегодняшних дней.